

Мириам

Према Сундари

Према Сундари
Мириам

«Издательские решения»

Сундари П.

Мириам / П. Сундари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-001609-9

На протяжении двух последних лет я писала эту небольшую, но глубоко философскую новеллу о жизненном пути Эсмаила, которая вобрала в себя мудрость Востока и мятежность Запада. Каждый из читателей сможет увидеть в этой книге определенную часть себя и по-новому взглянуть на некоторые привычные нам вещи. Она несомненно стоит Вашего внимания. Много-много любви из моего сердца да в ваши сердца! Према Сундари

ISBN 978-5-04-001609-9

© Сундари П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Голод. Насыщение. Пресыщение. Отвращение	6
Глава 2. Ближе, чем нос	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мириам

Према Сундари

Према Сундари

© Према Сундари, 2016

© Алексей Саченок, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Голод. Насыщение. Пресыщение. Отвращение

Мы пришли в этот мир, чтобы изменить себя, а не чтобы изменить других.

Шри Бинод Бихари Бабаджи

Я как молоко на плите: все время пытаюсь сбежать. Мне совсем не важно куда, главное – подальше и на как можно дольше. Раньше мне казалось, что хорошо там, где меня нет. По прошествии многих лет я осознал, что хорошо везде, где есть я. Но только я и никого, кроме меня. Тысячи километров пройдены мной, десятки границ пересечены, сотни дней проведены под заграничным солнцем. Мой паспорт проштампован с первой и до последней страницы. Столь многие люди врывались в мою жизнь, принося в нее что-то свое и забирая из нее что-то мое. Но был ли я удовлетворен своими скитаниями? Едва ли.

Мне от 20 до 60. Будучи рыбой по знаку зодиака, реалистом стать мне было не суждено. Сейчас, оборачиваясь назад, я сомневаюсь, была ли правдой моя жизнь. Может быть все, что случилось со мной, всего лишь вымысел моего разума. Меняясь, преображаясь, прогибаясь, мне казалось, что где-то в пути я утратил настоящего, подлинного себя. И шел уже не своей дорогой к чужим целям. Я жил чужой, чуждой мне жизнью. Ни дети, ни дом, ни работа не были моими желаниями, и я не стремился заполучить ни одно из этих жизненных благ. Но все же имел все. Хотя, нет, детей у меня не было.

Что касается моей внешности, мне всегда было наплевать на нее. Моя одежда была похожа на пижаму, а лицо украшала борода, седая с 26 лет. Малоспортивный, ленивый, слегка сутуловатый. Моя худоба всегда была темой для обсуждения. Не скажу, что это сильно нравилось моим окружающим, но и на их мнение мне было наплевать. От отца мне достались голубые глаза, от матери – способность видеть людей насквозь. Руки сухощавые, тонкие, ногти – аккуратно сгрызенные. На спине белое пятно в форме звезды. Брови густые, слегка нахмуренные. Волосы – цвета лесного ореха. Голос низкий, глубокий. У меня было много имен, но ближе всего мне имя, которым нарекла меня при рождении бабушка, – Эсмаил, «Бог все слышит».

Я проснулся на рассвете с чувством, что нужный день наконец настал. Я вышел к реке. Солнце выкатилось из-за горизонта, и нежно-фиолетовая дымка окутала гхаты¹. Я сложил ладони у солнечного сплетения и в почтении поклонился реке. «Намасте²», – протяжно вымолвил я. Я ступил в воду сначала одной ногой, затем и второй. Шаг, и еще шаг, и еще шаг. Мое тело погрузилось в воду, и она приняла меня, покрывая собой до самой макушки. «Намасте. Я приветствую Бога в тебе. Я приветствую Бога в себе». Выйдя из воды, я подошел к лодочнику, отдал ему оставшиеся у меня деньги и попросил его отвезти меня к самому южному гхату. Там в послерассветный час я встречу гуру, который согласился инициировать меня в аскеты. Судно отчаливает, и мы плавно скользим по водной глади.

Я закрываю глаза. Передо мной – вся жизнь. Столь о многом мне хочется рассказать в эти последние минуты до того, как я стану отшельником и отрекусь от всего мирского.

¹ каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения в Ганге или как места кремации

² в широком смысле означает: «Божественное во мне приветствует и соединяется с божественным в тебе»

О том, как жил, как умирал, о дальних странах и людях, которые там живут. Во всех уголках мира я искал истину, и вместе с ней я обрел самого себя. Моя жизнь, так же, как и миллионы жизней других людей, была абсолютно обычной, но однажды влажной, холодной ночью она все же переменилась. Идеально спланированная, жизнь внезапно, как поезд, сошла с реек. Помню ту ночь, как сейчас. Глубокую, тяжелую, укрывшую мой город непроходимой густой темнотой. В ту ночь Мириам на цыпочках ушла из моей жизни. Без скандалов, криков и каких-либо объяснений. Тихо, как ребенок, рисующий на обоях. И моя жизнь обрела другой характер, из твердой стала жидкой и потекла по Мировой душе, как Нил течет по Африке.

Это моя любимая история. Быть может однажды в тишине Гималайских гор кто-то встретит меня, состарившегося, и спросит, как я там оказался. И тогда я скажу: «Мы познакомились по моему приезду из Америки». Путник засмеется и спросит: «Дедушка, что за историю ты хочешь рассказать?» А я улыбнусь своими морщинками и отвечу: «В тот день она была непревзойденной».

Мы познакомились в сентябре по моему приезду из Америки. Там, вдалеке от родины, я молил Бога ниспослать мне мудрость. Каждый вечер перед тем, как идти спать, я уговаривал Бога: «Прошу, пошли мне хоть каплю мудрости». И она снизошла ко мне, облеченная в тело с именем Мириам. «Горькая, как трипхала³». Меня пленил ее томный взгляд, ее нелепая одежда и едкий дым сигарет, которые она курила. Я хотел избежать этой встречи, прекратить на какое-то время свое существование, лишь бы не потонуть в безбрежном океане ее странностей. Но было поздно бежать, и я шагнул в неизвестность с чувством непреодолимого страха с привкусом сладостного блаженства. Слова, которых не сыщешь в словаре русского языка, как бабочки слетали с ее земляничных уст и влетали в мое сознание. Я смотрел в нее, как в зеркало, чистейшее зеркало, и видел свое отображение.

Я никогда не хотел состариться с Мириам, ведь в своем роде мы уже были стариками с 20 лет. Я не хочу преувеличивать, но Мириам – лучшая из людей. По крайней мере, для меня. У меня было много женщин, я вскрыл немало пустых раковин, пока не нашел жемчужину, и лишь к ней одной я испытывал глубокую любовь и привязанность. Что она испытывала по отношению ко мне – для меня, наверное, останется загадкой. Не берусь судить. «Ты есть – хорошо, тебя нет – еще лучше», – говорила мне Мириам. Так или иначе, расходясь, сходясь, снова расходясь и снова сходясь спустя 6 лет мы поженились. Купили маленький дом на улице Сплетников и еще через год обзавелись машиной. Мы жили тихой ничем не примечательной жизнью. И мне казалось, что моему счастью никогда не будет предела. Но дни моего спокойствия были сочтены, и в одну из ночей жизнь все же переменилась. В ту ночь, как и в остальные 2738 ночей нашей совместной жизни я крепко спал. В 3:59 что-то толкнуло меня, приказывая проснуться. Я взглянул на будильник, потом на половину кровати Мириам и с ужасом обнаружил, что будильник есть, а Мириам – нет. В глубокой ночной тишине я встретил свое одиночество. Дом, где еще совсем недавно мы смеялись, внезапно стал холодным и пустым. Я ходил по дому, наматывая круги, и отказывался верить в происходящее. Вот ее остывшая чашка с латте, вот недоеденное пирожное, вот влажная зубная щетка. Воздух стал удушливым, и я чувствовал себя рыбешкой, выброшенной на берег. Я убеждал себя, что играю с ней в прятки. Вы играли когда-нибудь в эту игру? В ней главное – надежда, что вот-вот где-то за углом прячется твой друг. Но Мириам нет в шкафу. Мириам нет под кроватью, нет за шторами... Даже крохотной записки нет. Я сидел на краю кровати, набирая один и тот же номер. – Возьми трубку, прошу. Длинные гудки в телефоне

³ традиционное индийское лекарство

беспощадно разрезали меня без ножа. На столике лежал ее антиперспирант. Я намазал им запястье, глубоко вдохнул и закрыл глаза. На мгновение я почувствовал ее рядом. – Прошу, возьми трубку. К утру гудки становились все длиннее и длиннее. Я допил ее холодное латте и заглянул в шкафчик посмотреть, есть ли там ее документы. Нет, ни паспорта, ни водительских прав не было. – Прошу, возьми трубку. Она не пришла утром. Вечером ее тоже не было. И вообще она больше никогда не возвращалась домой, сколько бы я ее не ждал и сколько бы ни звонил. Мириам ушла. Ушла, пока я спал, словно возлюбленный друг Руми⁴ Шамс Тебризи. На одну сотую процента я мог понять такой поступок, ведь если Шамс и Руми питали друг к другу величайшую любовь всех времен и народов, то для Мириам я скорее был братом, чем любимым мужем. И я никогда не винил ее за нелюбовь ко мне, ведь сам не давал ей ни малейшей возможности полюбить меня: надоедал ей своими чувствами, навязывался, дышал ею. Я был ее одеждой и макияжем: обволакивал ее собой, проникая в каждую ее клеточку. Я наступал, как война. Где-то в глубине души я знал, что рано или поздно будет перейден рубеж, и она откажется от меня. Я думал, что, будучи отвергнутым, я никогда не буду в проигрыше, ведь не буду ни игроком, ни даже зрителем. И вот когда она ушла, я понял, как же сильно ошибался. Мне казалось, что я никогда не вынесу утраты. Я злился на Вселенную за то, что слишком часто говорил ей, как счастлив, а она решила переубедить меня в этом и, поверьте, небезуспешно. Чтобы я не делал, чем бы ни пытался унять свою боль, это лишь разжигало огонь внутри меня, и он жег меня до самых костей. Я просыпался от того, что меня душило одиночество, и засыпал по той же причине. Мир остановил свое движение, и я остался тет-а-тет с самим собой. Все утратило свое бывшее очарование и из прекрасного превратилось в уродливую тюрьму. Цветы распускались, выпячивая свои половые органы, привлекая яркой окраской венчика насекомых, птицы щебетали, призывая самок в свои гнезда, сверчки гудели в поисках пищи. Все, что казалось возвышенным, теперь виделось мне лишь жаждой размножения и пропитания. Люди стали мне омерзительны. Я был переполнен отвращением. И не было ничего, кроме темноты в моих глазах.

Каждая третья семья по тем или иным причинам распадается, и это считается обычным делом. Но когда оно доходит до тебя и крепко сжимает за горло, вот тут уже начинаешь мыслить другими категориями. Пол не имеет значения. По правде говоря, вообще ничего больше не имеет значения. Хотя зачем я это рассказываю? Вы сами прекрасно знаете, каково это.

В конце ноября в мою страну пришли беспокойные времена. Все началось внезапно, но всего за 3 месяца мирный протест перерос в настоящую войну. Я переключил все свое внимание на борьбу за справедливость. Буду с вами честным. Под властью толпы, где нивелируются высшие потребности и господствуют базисные, я мог на какое-то время забыть о Мириам. Не поймите меня неправильно. Мне нужно было решить, хочу я жить или хочу умереть, и война для этого лучшее место. Моему народу осточертела никчемная жизнь в нашей стране, некогда одной из самых богатых в Европе. По неведомой мне причине власти страны делали все возможное, чтобы «слить» мое государство в трубу. Покорные и терпеливые, мы долго молчали, в своем роде, будучи рабами. Рабскую психологию понять очень просто: если ты дашь рабу достаточно пищи, чтобы выжить, он навсегда будет твоим, но, не давая ему вообще ничего, лишь тогда он подыметесь с колен и заявит о своих правах.

Долгие зимние ночи вместе с сотнями небезразличных я выстаивал на главной площади города. Отряды полиции жестоко избивали своих же сограждан, пропадали журналисты, а активистов находили избитыми в лесах (слава Богу, если живыми). Разочарованный народ, отчаявшийся вконец, запад назвал «Евромайdanом», но интеграция с Европой была, наверное, одним из последних наших желаний. Мы протестовали против системы, требуя

⁴ Мавлана Джелалладин Руми – выдающийся поэт-суфий

от властей самого простого: нормальной человеческой жизни. Но словно безмолвных рыб, нас никто не слышал. И в одну из ночей система решила устроить большую рыбалку.

Восемнадцатого февраля протестующие, в числе которых был и я, разумеется, организовали шествие к Верховной Раде, где должны были рассмотреть изменения в Конституции по поводу ограничений полномочий президента (о его золотом батоне и распятых на крестах птицах, уверен, будут говорить еще много лет). Глава Рады отказался регистрировать такой документ, что вызвало огромное возмущение среди нас. Это была та последняя капля, после которой дороги назад уже не было. Начались столкновения с силовиками. В знак солидарности со всех уголков страны на Майдан начали стекаться люди. Чтобы хоть как-то предотвратить восстание, местная власть в страхе перекрыла въезды в столицу, и городской метрополитен прекратил свою работу. Неисчислимы кровопролития, летающие в воздухе коктейли Молотова и шумовые гранаты – вот так проходил день черного вторника. День спустя около восьми часов вечера несколько человек (назову их «неизвестными») подожгли дом профсоюзов. Отряды полиции захватывали баррикады, и один за другим зажигались огни. С голыми руками мы стояли, окруженные со всех сторон «Беркутом⁵», и единственное, что отделяло нас от них – огонь. Водомет то и дело обливал нас ледяной водой, и когда, наконец, потухла разделяющая нас линия огня и мы могли посмотреть друг другу в глаза, произошел невероятный трюк. Отряды полиции начали отходить, и народ, обескураженный и в то же самое время почуявший контроль над ситуацией, пошел на них. «Это ловушка!», – кричал я, но в хаосе происходящего меня никто не слышал. Как только молодые ребята перешли границу «нашей территории», чей-то голос из преисподни крикнул «Огонь!». Засвистели в воздухе пули, и в толпе начали падать бездыханные люди. «Небесная сотня», – так потом назовут жертв этого страшного беззакония и посмертно им дадут звание героев страны. В этой ужасной бойне мы были безоружны. Снайперы стреляли в нас, как в тире стрелок сбивает мишени. Тупым тяжелым предметом кто-то ударил меня по голове. Я упал на замершую землю. Словно в замедленной съемке я помню тот миг: горящий майдан, крики людей и тела, которые складывали друг на друга всего в двух метрах от меня. А среди них – молодая девушка в белом пальто с кровавыми пятнами на нем. Я пытался оставаться в сознании как можно дольше, но смог выиграть всего пару секунд.

Мое помутневшее сознание неохотно возвращалось ко мне, и вскоре я смог открыть глаза. Голова страшно гудела, а тело ныло так сильно, что казалось, словно плоть отделяется от костей. Я лежал все на том же месте. Но к моему ужасу я был совсем один. Ни молодой девушки, ни остальных погибших там не было. С трудом я поднялся с земли и осмотрелся еще раз. Нет, совсем никого. В полицию идти было бесполезно. Мои карманы, конечно, уже были пусты. Выйдя на Майдан, как безумный, я начал приставать с допросами к людям, но они лишь пожимали плечами. Неужели ни одного очевидца? Или все заодно? Мои глаза наполнились слезами, и руками я закрыл лицо. Возле меня остановилась дама в дорогой шубе с грязными руками. Как и много других женщин в дорогих шубах с остатками идеального маникюра, она помогала разбирать брусчатку, которую мы кидали в «Беркут».

- Вы в порядке? – спросила она.
- Какое сегодня число? – вопросом на вопрос ответил я.
- Двадцатое февраля, – ответила женщина.
- Расскажи мне все, что ты знаешь о вчерашнем дне.
- В стране произошел переворот, – все, что она сказала.

⁵ подразделение полиции специального назначения

Не хочу лезть в политику, но президент некогда братского нам народа поступил с нами, как паршивая овца. Пользуясь беспомощным состоянием в моей стране, другая страна ввела свои войска и наглешим образом отобрала у нас часть государства. Люди стали заложниками территории, и под манипулятивным влиянием медиа много семей раскололось на два вражеских табора. Началась страшная война, о которой не говорили ни по каким телевизорам, даже по нашим. В дни Великого поста православные убивали православных, оккупанты разграбляли города и села, насиловали женщин и убивали детей и стариков. Гаагская конвенция⁶ была всем до одного места. И самое страшное то, что нельзя сказать с полной уверенностью, кто был врагом: люди по ту сторону фронта или по эту. Под чьим-то нелепым командованием разбивались самолеты и умирали сотни солдат. Мое сердце обливалось кровью.

Первая и вторая волна призыва оставила меня за бортом. Отказ принять меня в ряды солдат ничем не аргументировался. Несколько раз я ходил в военкомат, но там от меня как от защитника отечества отказались. Мне сообщили, что в случае какой-либо нужды со мной свяжутся. Ни имени моего, ни каких-либо контактов у меня не спросили, и моя настойчивость никому не нравилась. На войну призывали безусых мальчишек, а военных или людей с опытом, которые могли бы оказать реальную помощь, отказывались. Что уже говорить обо мне, человеке без опыта, но «с усами». В последний мой визит, когда я попросил бумагу и ручку, чтобы записать свои данные, меня вывели под руку и прошипели: «С тобой свяжутся!» Но никто так и не связался.

Новостная лента превратилась в бесконечный некролог, а просмотр телевизора – в пытку викторианских времен. Статистика смертей неумолимо росла. Народ держали в панике, не давая расслабиться ни на минуту. Силами волонтеров армия хоть как-то держалась на плаву. А тем временем народ нищал, цены беспощадно росли, а национальной валютой можно было пользоваться вместо туалетной бумаги. Ничего другого, кроме фрустрации, новая власть с собой не принесла. Так же, как и их предшественники, они разграбляли казну, набивая карманы кровавыми деньгами. Никто не хотел прекращать войну, потому что, мать вашу, это самое прибыльное дело на свете. От безвыходности люди стали разъезжаться по миру, покидая некогда цветущее государство. Наблюдать за тем, как мучительно умирает огромная страна, было невыносимо. Одинокий, разочарованный, я все чаще и чаще стал прибегать к алкоголю и прочим наркотикам, чтобы хоть ненадолго уйти от реальности.

Вокруг меня было столько ненужной шелухи. Город наращивал меня, как капусту, и от этой церемонии становилось только сложнее. Слой за слоем – и внутри все жарче. Проблемы всего человечества пили на моей кухне чай, политическая свора смывала с себя грязь в моей ванной, а дефолт дремал под потолком. Незваные гости просочили собой воздух, которым я хотел бы дышать, и все мое бытие больше не было мне подконтрольным. Я стал его заложником. Но под чьим руководством я возлагал на себя вину уже за безразличие? Я хотел бы знать, был ли виновен в том, что у меня уже не было желания барахтаться на поверхности бушующего океана и ждать верной гибели? Я нырнул на самое его дно, и картина мира казалась мне куда яснее. На какое-то время мне становилось легче и я не чувствовал себя беспомощным и одиноким. В мире дурманных средств никогда не бывает одиноко. Там не нужно было ходить, я лишь скользил по поверхности и плавал в пространстве. Не нужно было спать, потому что этот несуществующий мир был лучше, чем сон. Там деревья рассказывали истории своих жизней, рыбы открывали свои тайны, а птицы дели-

⁶ международный договор о законах и обычаях войны

лись свободой. И в этой безмятежности я был счастлив. Счастлив до тех пор, пока не просыпался в собственной блевотине и с обмоченными штанами. Ужасающая реальность была настолько отталкивающей, что я все дальше и дальше прятался от нее. И круг замыкался.

Кто я, – спрашивал я сам себя, – чтобы судить воздух, которым дышу? Пищу, что услаждает мое чрево, воду, которой смываю грязь? Кто я в пучине собственной жизни – король, путник ли, или не значимей речного камня? Прорастая и засыхая, впитывая воду и загнивая, чьи теплые руки собирают сладкие сливы с моего февральского дерева ветров? Я терял счет морщинам.

Еще один вечер вкрадывался в подреберье. Я снова был под кайфом и находился в эпицентре очередной галлюцинации. Они отличались от всего, что я испытывал прежде. Комната стала меньше спичечного коробка, а я в ней – невиданных размеров гигантом. Все кружилось по спирали и от этого сильно укачивало. Чувство голода было столь обострено, что я готов был съесть собственные ноги. Своей двухметровой рукой я потянулся в дальний угол комнаты за манго. Я не мог вспомнить, как надлежит есть этот фрукт, и оттого жадно впился в кожуру. Сок водопадами хлынул по щекам. Это было самое вкусное и одновременно самое отвратительное из того, что я когда-либо ел. Не пережевывая, я собирался глотнуть, как вдруг обнаружил, что у меня во рту два языка, а в глотке – два пищевода. В замешательстве, я не знал, что делать. Решительно я не был готов умереть с голоду, потому откусил еще кусок и двумя языками попытался протолкнуть манго к горлу.

Король Манго оказался привередливым и не пожелал направляться в желудок, потому застрял сразу в обеих из моих глоток. Поначалу это казалось таким забавным, что я улыбался, что есть мочи, но когда понял, что не могу дышать, внезапно утратил былое веселье. Ни вдохнуть, ни выдохнуть я не мог. Я стал бить себя в грудь, но от этого становилось только хуже. На четвереньках я полз к двери в надежде, что в коридоре меня заметят соседи. Сил проползти хватило не более, чем на два метра. Как туша, я свалился на пол. Внезапно яркая вспышка света ослепила меня. Передо мной предстал некто, сияющий настолько, что невозможно было разглядеть его очертаний. «Как ты себя чувствуешь?» – спросил Некто. Ответить я не мог, но понял, что он спрашивает меня не о застрявшем куске. Он измерил меня своим взглядом и томно вздохнул. Оторопевши от появления неожиданного гостя, меня больше не заботило то, что я задыхаюсь. Я не могу сказать был ли я на сто процентов жив тогда. Может быть, я умер и просто никуда не делся, как не деваются никуда самоубийцы: так и остаются призраками доживать свой положенный срок, но все в той же дурацкой ситуации и теперь уже без какой-либо возможности все исправить или хотя бы с кем-то поговорить.

Некто не отводил от меня взгляда. Не ему ли знать о моих страданиях? Такой же двухметровой рукой, как у меня, он залез ко мне прямо в глотку и с легкостью вытащил застрявший кусок. Затем, словно обтрусив его от пыли, с удовольствием положил себе в рот и смачно причмокнул. Не двигаясь мы смотрели друг на друга. Спустя какое-то время Некто нарушил установившееся молчание, и словно растянувшуюся песню, молвил: «Когда предотвратишь цикличность бытия, тогда, считай, закончен счет бессмысленным скитаньям сквозь материю. И снизойдет покой, которого так жаждел ты всю жизнь, как молоко, что льется мурти⁷ на голову. И заново рождение и смерть. Пойми в чем суть круговорота, и казнь закончится сиюминутно. Ведь кто подвластен смерти и болезням, тот подлинного счастья не вкусил. Но все пройдем путем от клетки до могилы, и в ней познаем сущность бытия. И заново рождение и смерть. Преодолей же их, не растеряв души сокровищ». В комнате вновь воцарилась тишина. Из сказанного я не понял ровным счетом ничего, но утвердительно кивнул головой.

⁷ с санскрита – «проявление», в индуизме статуя или изображение формы бога, дэвы или святого

Выдержав небольшую паузу, я сдвинул брови и кивнул еще пару раз. Однако подумав немного, я закрутил головой, показывая ему, что я передумал и больше не был с ним согласен. «Это несправедливо!» – крикнул я ему. Он улыбнулся, подошел ближе, обхватил своими влажными огромными ладонями мое лицо и сказал: «Милость или справедливость... Преисполнены ваши чаши ненавистью друг к другу, я пью их до дна. Во множестве пороков своих тонете, как камни в воде. И хотите, чтобы проявляли к вам милость, а других – справедливо судили. Чтобы со всех спросилось за промахи их, а вас – помиловали. Искренне плачете, искренне молитесь, неискренне живете, неискренне умираете. Но если вдруг всему человечеству придется делать выбор, то кому достанется милость, а кому – справедливость? Каждый знает, чего он заслуживает. Давайте не будем обманываться. Хочешь милости для себя – желай ее другим, хочешь справедливости для других – жди, что и с тебя спросится по справедливости».

В животе тягостно заурчало, меня схватил сильный спазм, и в судороге меня согнуло пополам. Желудок предательски сжался, и меня стошнило. Моему унижению не было границ. Я поднял голову, но в комнате уже никого не было. Был ли он галлюцинацией или это сам Бог пришел ко мне – увы, я не могу знать наверняка. Но в тот вечер я понял, что выбор между жизнью и смертью нужно принять безотлагательно. Мое сознание потянулось к свету, за ним шагнуло и тело. Синтетический дурман остался во тьме.

Глава 2. Ближе, чем нос

Первый признак начала познания – желание умереть. Эта жизнь кажется невыносимой, другая – недостижимой. Уже не стыдишься, что хочешь умереть; просишь, чтобы тебя перевели из старой камеры, которую ненавидишь, в новую, которую ты только еще начнешь ненавидеть. Сказывается тут и остаток веры, что во время пути случайно пройдет по коридору главный, посмотрит на узника и скажет: «Этого не запирайте больше. Я беру его к себе».

Франц Кафка

Приятнейший запах перемен разбудил меня за пять минут до посадки. Я сидел в аэропорту Борисполя, ожидая своего рейса до Тель-Авива. Как маленькие дети бегут ко взрослым в надежде, что они дадут ответы на все их неисчислимые вопросы, так и я с билетом в одну сторону отправлялся искать Бога. Впервые в жизни у меня не было плана на будущее. Сам из себя я построил бумажный кораблик и поплыл по течению. Что ожидало меня у устья реки – отныне мне было неведомо. Но все нарастающая внутренняя тревога, щекотавшая грудь, подсказывала мне, что я на верном пути. Главное – поймать волну.

– Уважаемые пассажиры! Самолет рейса PC-635, следующий до Тель-Авива, готов к отправке. Приглашаем вас на посадку на выход номер 5.

– Dear passengers! Flight PC-635 going to Tel-Aviv is ready for departure. We kindly invite you to land on exit number 5.

У выхода номер 5 собралась целая очередь, не смотря на то, что места уже были указаны в наших билетах. Одним из последних я зашел в самолет. Место у иллюминатора, как я и люблю. Все происходило словно во сне. Огромная земля вмиг стала маленькой, и с сумасшедшей скоростью я покинул свою обитель. Это ощущение для меня священо. Я не хочу рассказывать о своем родном городе. В моем воображении он давно уже не цвел каштанами. Там осталось мое прошлое, в котором много печали.

В наушниках Стинг пел о том, что все еще любит тебя⁸. Время остановило свой ход, сердцебиение замедлилось. Я вдохнул на полную грудь и на несколько мгновений задержал дыхание. Куда не беги, где не прячься – всепоглощающее чувство одиночества всегда будет со мной. Но самообман, безусловно, намного слаще действительности. Ведь надежда всегда, как уголек, тлеет где-то в потаенных глубинах души. Я метался между желанием подчинить себе жизнь и желанием раздать себя без остатка. Снисходительность излишня относительно самого себя: я не раз проявлял высокомерие по отношению к другим людям, и тогда было самое время посмеяться над самим собой.

Если бы у меня с Мириам были дети, если бы у меня были дети от кого угодно, что я сказал бы им, глядя в их светящиеся глаза? Что глубоко разочарован и всеу пытался сбежать? Сказал бы им, что сожалею? Я ведь на самом деле и сам не знал, счастлив ли я или глубоко несчастен. Окружающий меня мир, крутящийся на волчке фатума, для меня стал однородной массой. Я лишь лицеизрел его. И роль пассивного зрителя меня даже тешила. Я долго стремился к этому. Но обрел ли подлинную свободу, выйдя за порог своего дома, – над этим вопросом мне все еще предстоит хорошенько подумать.

– Уважаемые пассажиры. Говорит капитан самолета Густаво Наойя. Мы пролетаем над Черным морем на высоте 6 тысяч метров. Температура за бортом -51 градус по Цельсию. В ближайшее время наши бортпроводники начнут раздавать еду и напитки.

⁸ имеется ввиду сингл «Thousand years», в припеве которого Стинг поет «I still love you» («Я все еще люблю тебя»)

Валун горячего воздуха шлепнул меня по лицу, как только я вышел из самолета. Плюс тридцать два. Моя юношеская мечта побывать в Израиле превращалась в реальность. Меня сместило, что всего пару дней назад жизнь не имела никакого значения, а потом, как дурак, я улыбался визовому офицеру и пытался обойтись без подробностей, рассказывая ей о причине моего визита. В самолете я забыл свою шляпу, но это уже тоже не имело никакого значения. Вселенная вырастила подорожник размером с мою душу, и мои раны скоро затянутся.

Я не переставал улыбаться, пока ехал в поезде до Иерусалима, улыбался, когда искал свой отель, улыбался при заселении, и даже в душе я улыбался. Но как только последние капли воды высохли на моей коже, а Стинг допел «Never coming home», внезапная волна печали окатила меня с головы до пят. Я посмотрел в зеркало и не узнал там себя: передо мной стоял осунувшийся, высушенный до костей человек. Тревожно он смотрел мне прямо в глаза.

– И где Мириам? – спросил я сам себя. – Не стоит ли у тебя за спиной?

Я оглянулся. Нет, не стоит, конечно же.

– А хотел бы, да? Хотел бы... – снова заговорил я сам с собой.

Я сжал кулаки крепче и бросил недружественный взгляд своему отражению. Но он, тот второй я, по-прежнему ровно смотрел на меня. В раздражении я начал искать свою шляпу, чтобы поскорее убраться оттуда. Так и не найдя ее, я еще раз взглянул в зеркало. Тот второй заблаговременно знал, что я не найду ни шляпу, ни Мириам. Но я рад, что он не показал мне своего превосходства.

Лифт, в котором я спускался, остановился на третьем этаже. В него зашел портье, и, смутившись моего раздраженного вида, сразу же спросил:

– Господин, у Вас все хорошо? Вам нравится Ваш номер? Могу ли я Вам как-нибудь послужить?

Я набрал воздуха в легкие поглубже и затем спросил:

– Скажите, как еврейский народ именует Бога?

– Элохим, господин. Яхве. В Торе упоминается десять священных имен Бога.

– Ясно, – перебил его я, и многозначительно закивал.

– Я могу еще чем-нибудь быть полезным? – после непродолжительной паузы поинтересовался портье.

– Да. Будьте добры, уберите зеркало из моего номера.

До старого города 10 минут пешего ходу. Солнце печет в голову, и лишь поодинокое дуновение ветра приносит облегчение. По дороге я рассматриваю людей. Они выглядят такими, какими я их себе и представлял: ультраортодоксы в узких брюках, шляпах и с пейсами; прелестные женщины в длинных черных юбках и с прикрытыми черным платком густыми волосами; молодые парни и девушки в коротких шортах и с пирсингом в пупках. «Элохим», – прокручивал я десятки раз у себя в голове. Я чувствовал, что создан из одной энергии вместе с этими людьми. Пока я шел, я думал, будь я не в человеческом облике, тогда кем бы или чем я был бы? В пучине мирской суеты я был бы воздушным пространством между людьми. И когда я видел бы, как мужчины пожимают друг другу руки, даже не касаясь друг друга, я чувствовал бы себя самым важным. Я был бы светом из окна, который будит Мириам по утрам, когда она забывает закрыть перед сном шторы. Был бы биением сердца новорожденного и биением сердца умирающего. Если все сущее и вправду жаждет жить и познавать себя как крохотную частицу этого мира, то тогда я был бы мирозданием, которое не раскрывает свои секреты, но приподымает занавес, чтобы люди могли увидеть свои заблуждения о том, что есть мир и что есть мы. Люди Земли живут во мне, и я живу

в них. Мы единое тесто, из которого Бог на ужин испечет себе хлеб. Благословенна наша негa, ведь в неведении мы находим свой покой. Я верю, что придет день и пелену с наших глаз снимут, как кожу с тела Насими⁹. Чем был бы я тогда? Ожиданием.

⁹ псевдоним выдающегося азербайджанского поэта и мистика, приговоренного за свои идеи и взгляды к мученической смерти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.